

Фролов Алексей Александрович

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ В. РОЗАНОВА

Статья раскрывает содержание понятия "стиль мышления". Этот термин, возникший в философии науки, впервые применяется к творчеству В. В. Розанова, чьи работы изобличали кризис науки и культуры в целом. Чтобы определить стиль мышления Розанова и его теоретические основания, автор статьи сравнивает его последние работы с первой книгой "О понимании", в которой выразилась его гносеологическая система. Эта книга оказывается связанной с последующим творчеством выраженной в ней внутренней позицией Розанова по отношению к возможности познания и артикуляции познанного, а также утверждает концепцию личностного знания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 205-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

Статья раскрывает содержание понятия «стиль мышления». Этот термин, возникший в философии науки, впервые применяется к творчеству В. В. Розанова, чьи работы изобличали кризис науки и культуры в целом. Чтобы определить стиль мышления Розанова и его теоретические основания, автор статьи сравнивает его последние работы с первой книгой «О понимании», в которой выразилась его гносеологическая система. Эта книга оказывается связанной с последующим творчеством выраженной в ней внутренней позицией Розанова по отношению к возможности познания и артикуляции познанного, а также утверждает концепцию личностного знания.

Ключевые слова и фразы: стиль мышления; литературный стиль; философия В. В. Розанова; направленность восприятия; гносеология; целесообразность.

Фролов Алексей Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет
aff-dos@yandex.ru

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ В. РОЗАНОВА[©]

Данная статья, как следует из заглавия, предполагает, во-первых, исследование понятия «стиль мышления» и того содержания, которое подразумевается под этим понятием, когда оно используется применительно к творчеству и философии В. В. Розанова. Во-вторых, она предполагает исследование гносеологических оснований, определяющих характер и специфику стиля мышления Розанова.

Само понятие «стиль мышления» давно и плодотворно используется в ряде гуманитарных дисциплин: лингвистике, искусствоведении, культурологии и социологии. Несмотря на широкое употребление понятия «стиль мышления» оно не всегда используется в одном и том же смысле. Когда мы обращаемся к этому термину, может показаться, что мы имеем дело с «метафорой, референты которой, к сожалению, плохо эксплицированы и не закреплены в научном словаре более строгими и адекватными терминами» [6, с. 177].

Со времени введения термина «стиль» в теоретический язык искусствоведения и лингвистики его употребляют в двух значениях: 1) в качестве характеристики текста как результата работы автора, где стиль определяется как «содержащее свое объяснение в самом себе, согласованное с самим собой единство конкретного произведения... цельность, настроенность, априорный мир произведения» [4, с. 80]; 2) в качестве характеристики субъекта деятельности, поскольку полагается, что за текстом стоит не только языковая система, но и языковая личность автора. Сторонники первого определения, так или иначе, испытывают влияние идеи Хайдеггера о безличном и «самостоятельном» мире продуктов культуры. Согласно Хайдеггеру, «художник для произведения есть нечто безразличное: можно сказать, что, уничтожая себя в процессе творчества, он способствует возвышению произведения искусства» [Цит. по: 3, с. 555]. Сторонники второго подхода к определению понятия стиля основываются на идеях психологизма и обнаруживают в стиле культурного произведения «род организации индивидуальности... выражение неизменной по своей сущности личности» [Цит. по: 7, с. 224]. Такое психологическое толкование стиля предполагает, что стиль аккумулирует авторский опыт, к которому относятся представления человека о самом себе и своем положении в мире.

Исторически первое сближение понятий «стиль» и «мышление» произошло в теоретических построениях В. фон Гумбольдта, который использовал термин «стиль» для разрешения вопроса о соотношении языка и мышления. Для Гумбольдта «различие языков состоит не только в отличии звуков и знаков, но и в различии самих мировоззрений», поэтому «характер языка сливается с характером стиля, и недаром каждому языку легко и естественно удаются лишь определенные роды стилей» [5, с. 178]. Определяя язык и стиль таким образом, он вводит эти понятия в сферу наук о мышлении. Более того, Гумбольдт указывает на связь между стилем и научным познанием: «Не только результаты конкретных научных исследований способны вызвать к жизни великолепную, отточенную прозу, питающуюся глубоким и всеобъемлющим воззрением на совокупность природы, но и само по себе научное исследование способно составить содержание такой прозы, воспламеняя дух, который один только и может вести познание к его великим открытиям» [Там же, с. 186]. Научный стиль, по его мнению, характеризуется тем, что язык должен, не давая волю своей самостоятельности, насколько возможно слиться с мыслью. Можно сказать, что то значение, в котором Гумбольдт употребляет понятие «стиль», во многом соответствует значению, которое вкладывают в понятие «стиль мышления» в современной философской литературе.

В дальнейшем развитии языкознания интерес к философским вопросам, связанным с осознанием тесной зависимости языка и мышления, неуклонно возрастает. Стиль начинает рассматриваться как определенное употребление языка, зависящее от внеязыковых условий. В 70-х годах XIX в. появляется целое направление в лингвистике – стилистика, которая, по мнению языковедов, позволяет выйти за рамки только лингвистических и грамматических анализов языковых явлений.

В XX в. понятие стиль получает в западной философии широкую популярность и часто заменяет понятие метода. Понятием «стиль мышления», «стиль философствования» пользуются такие известные представители философской антропологии, культурологии и социологии как К. Мангейм, М. Шеллер, П. Рикер, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет. Затем понятие «стиля мышления» стало использоваться в философии науки, эпистемологии и психологической литературе.

Для определения современного понятия «стиль мышления» стоит в первую очередь обратиться к теоретикам философии науки, поскольку именно они вышли за рамки только лингвистических или психологических коннотаций понятия «стиль» и использовали его в целом для исследования феномена познания.

Понятие «стиль научного мышления» было введено в методологический оборот философии науки учеными, представлявшими естественные науки (со стороны теоретической физики – Макс Борн, со стороны биологии – Людвиг Флек). Данное понятие было введено для исследования влияния культурно-исторических форм на научную деятельность, а также для осмысления собственного положения в истории наук. Однако в западной философии науки большее влияние приобрело куновское понятие «парадигма», которое акцентировало внимание не на культурно-историческом пространстве, в котором осуществляется развитие научного знания, а на процедурах совершения научного открытия и выбора предпочтительной научной теории. Таким образом, наука стала рассматривать себя вне связи с языком и мышлением. В чем состоит кардинальное отличие понятия «стиль мышления» у Людвиг Флека от понятия «парадигма» Томаса Куна? Л. Флек в работе «Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива» утверждал, что исследователь не может игнорировать социокультурные условия, в которых осуществляется научное познание, и тем более игнорировать историзм этих условий, поскольку он отражается не только в формах, но и в содержании полученного знания. Таким образом, мы переходим к сути вопроса, затронутого теоретиками «стиля научного мышления» и заключающегося в проблеме соотношения научного языка и социокультурного фона, сопровождающего возникновение научного знания.

Каждой эпохе, согласно Флеку, свойственен свой особый стиль мышления. Это справедливо не только относительно времени, но и относительно любой отдельной сферы познания. Стиль мышления он определяет как «готовность к направленному восприятию и соответствующему пониманию того, что воспринято» [11, с. 152]. Понятие стиль мышления предполагает апелляцию к языку как к мощной индивидуальной и надындивидуальной культурно-исторической знаковой системе, в контексте философии науки – к языку науки. Таким образом, стиль мышления – это не столько сложившиеся представления о действительности, сколько формы самой действительности, которые формируются научным сообществом и отражаются в соответствующем языке. Определение стиля мышления как готовности к направленному восприятию представляет возможность применять это понятие не только для исследования исторических эпох или форм познания в различных отраслях науки, но и для исследования особенностей мышления отдельного индивида, что является преимуществом этого понятия перед концепцией парадигмы Т. Куна. Таким образом, мы можем применить это понятие к исследованию творчества В. В. Розанова.

Переходя к рассмотрению вопроса о стиле мышления в философии Розанова, следует отметить, что в исследовательской литературе, посвященной его творчеству, сформировался обширный корпус работ, в которых предметом изучения является стилистика его текстов. В качестве примера таких работ можно привести исследования В. Б. Шкловского, А. И. Фомина, Е. П. Карташовой, В. Г. Сукача, В. Л. Махлина. Внимание к стилистическим особенностям розановских текстов отражает интерес исследователей к изучению проблемы отношения между автором и его текстом, а на более широком уровне – к проблематике отношения между мышлением человека и языком. Понятие стиля становится центральным в ракурсе данных исследований.

Творчество Розанова, рассматриваемое с позиции стилистики, привлекает внимание исследователей сразу по нескольким причинам. Первая причина связана с проблематикой определения жанровой специфики его произведений, написанных после 1912 г. (трилогия «Уединенное», «Опавшие листья» и «Мимолетное»). Вторая причина связана непосредственно с особенностями розановского дискурса, которые выражаются «в предельной слитости языковой формы и сознания» и «непосредственной воплощенности сознания в тех формах, что явлены в его текстах, в первую очередь, в медитативной (лирико-философской) прозе» [12, с. 5].

Работы названных исследователей ставят перед собой задачу посредством анализа авторского языка и стилистических приемов обнаружить и описать мышление, выраженное в языке. Однако этот метод работы с текстом и авторским мышлением имеет известные ему границы, связанные с тем, что стиль представляет собой употребление языка, зависящее от внеязыковых условий. Стиль мышления не может быть сведен исключительно к языковому стилю, поскольку, как было ранее отмечено, языковой стиль определяется в значительной мере экстралингвистическими условиями: коммуникативными задачами, интеллектуальными установками и убеждениями или, по выражению Л. Флека, «направленностью мышления». Можно привести образное выражение М. М. Бахтина, который писал, что «стиль работает не словами, а моментами мира, ценностями мира и жизни, и лишь тем самым определяет собой отношение к материалу, слову...» [2, с. 159].

В целях разрешения проблематики отношения стиля языка и стиля мышления в творчестве Розанова следует обратить внимание на его первую работу «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». Данная работа по предмету своего исследования направлена на описание и изучение мышления [9]. И как справедливо замечает В. В. Библихин об этой работе Розанова: «Тема книги, понимание – одновременно ее предмет и прием... Все сводится к неостановимому движению мысли» [Цит. по: Там же, с. VII]. Поэтому не менее, а подчас даже более важным, чем схемы и термины,

описанные в работе, представляется метод постановки проблемы в тексте и движение авторской мысли, сообразно которой складываются гносеологические основания стиля розановского мышления.

В книге «О понимании» Розанов, по его словам, пытался воспроизвести образ древней науки, совсем непохожей на современную, «когда люди любили истину и искали ее, и о том, что находили – говорили друг другу» [1]. Данная работа возникает на фоне естественной растерянности человека перед необыкновенно усложнившимся миром, потерей целостной картины мира. Фрагментарный характер описания мира связан с углубленной специализацией наук, появлением различных описаний одного предмета исследования: каждая научная дисциплина предлагает свое особенное описание мира: одно – с позиции физики, другое – с позиций химии и биологии, третье – с позиции философии и религии. При этом данные описания зачастую игнорируют друг друга и являются взаимоисключающими. Розанов не был профессиональным ученым и имел небольшое представление о том, что совершается в области современных естественных наук. Свою книгу он полагал рефлексией на проблемы современной науки, во вступлении к работе, описывая проблемное поле, он находится вполне в границах славянофильского течения: накапливаемые знания о мире не дают нам целостности его восприятия. Однако с развитием работы ракурс взгляда исследователя меняется, все более обрастая внутрь пространства «генерации смыслов» – человеческое мышление. Первая книга Розанова полностью заслуживает своего заглавия, поскольку в ней Розанов, пытаясь работать над «проблемами науки», на самом деле работал над изучением «внутреннего мира человека».

В трактате можно обнаружить гносеологические основания последующего литературного творчества Розанова, программа которого выразилась в утверждении: «Собственно мы хорошо знаем – единственно себя. О всем прочем – догадываемся, опрашиваем. Но если единственная – открывшаяся действительность – есть –я», то очевидно и рассказывая об –я» (если сумеешь и сможешь)» [10, с. 360].

Предупреждая свою концепцию понимания, Розанов утверждает, что в отношении между человеком и миром возможны две онтологические ситуации, имеющие равную вероятность: ситуация, когда мир может быть постигнут человеком, поскольку действительно сам по себе содержит смысл, и вторая ситуация, согласно которой мир чужероден человеческому мышлению и смысл его, если он вообще есть, все равно оказывается недоступным для постижения. В этой ситуации Розанов выступает как представитель неклассической традиции, заявляя, что ему неизвестно, как обстоят дела на самом деле и за каким утверждением скрывается истина. Этот выбор между миром целесообразности и миром абсурда может быть совершен только актом волевого принятия, поскольку достаточных рациональных оснований человек найти не способен. Объясняя свой выбор в пользу целесообразности, он апеллирует к тому, что только такая когнитивная ситуация побуждает человека к действию и наделяет его действия смыслом. Однако вследствие того, что Розанов замечает невозможность сделать честный вывод об истинности того или иного из этих суждений, можно утверждать, что единственным основанием познания является человеческое «я».

Мыслитель не призывает и не стремится к преодолению этой субъективности процесса понимания, напротив, полагая, что понимание должно идти из глубин личности самого познающего субъекта. Субъективность процесса понимания как раз отражает «личностную» грань розановского подхода к феномену познания. Познающий субъект стремится обрести в процессе понимания цельность собственного «я», и процесс понимания, таким образом, предстает перед нами как творческое действие человека по отношению к миру и самому себе. В какой-то мере концепция понимания Розанова может напомнить нам то, как характеризуется положение человека в философии Ж.-П. Сартра, где свобода есть то ничто, что заставляет человека делать себя, вместо того, чтобы просто быть. Стремление человека к пониманию, являясь следствием тревожного состояния неопределенности и дезориентированности в мире, заставляет человека творить себя и мир вокруг себя посредством поиска смыслов.

Итак, для Розанова конкретность языка, выражаемая в конкретности передачи восприятия, связывается с конкретностью выражения собственного «я», собственного личностного восприятия, которое всегда обнаруживает себя в точке выхода к действительности. При этом очевидно, что суждения о предметах неизбежно наделены целым рядом субъективных предпосылок, которые в элементарной форме заданы предшествующим культурным опытом и собственной биографией. Таким образом, можно видеть, что в работе Розанова «О понимании» формируются основания, которые позволяют в рамках данной статьи исследовать проблему «стиля мышления». Так, «акт понимания» есть в общем виде разворачивающееся мышление субъекта, в котором предметы и события обретают свою определенность для субъекта. Через обращение к концепту «понимание» Розанов предполагал преодолеть сформировавшееся в классической философии и науке представление о мире как о постороннем, не зависимом от человеческого опыта и восприятия пространстве. Мир, воспринимаемый субъектом и выстраивающийся в его мышлении согласно определенным схемам, есть в наибольшей степени отражение того, кем является сам творящий субъект. Экстраполируя эту позицию на представления Розанова о литературном творчестве, несложно понять, что анализируемый им текст был лишь поводом, чтобы проникнуть во внутреннее пространство авторского мышления. Свообразие выстраивания мира понятого, истинного мира человека, его уникальность и неповторимость связаны с непредзаданностью выстраивания суждений. Источник этой неопределенности заключается в человеческом «Я». В книге «О понимании» Розанов изложил свою гносеологическую модель, выводом которой стало убеждение, что единственное, о чем человек может говорить, будучи уверенным в истинности произносимого, – о самом себе.

Именно поэтому, исследуя творчество Розанова, стоит иметь в виду то, что в труде «О понимании» всегда говорится исключительно о человеческих, а не об абсолютных формах организации структуры бытия через

понимание. Мы не знаем, каков мир в действительности. Быть может, наше знание о нём и правда совпадают с тем типом связей, которые реально действуют в нём – но мы даже не можем с абсолютной достоверностью заявить, что в этом мире господствует закон причинности, но мы существуем в мире человеческого понимания, и этот мир для нас более реален, чем какой-либо иной, ибо взаимодействие его частей и связи внутри него мы наблюдаем непосредственно, а сам человек оказывается включенным в тип связей, господствующий в нём.

Идея определенной тождественности языка, выстраиваемого через логическую структуру, и мира с помощью этого языка выраженного так же, как идея целеориентированности человека ввиду его познавательного выбора и стремления раскрыть собственный мир с помощью языка, является знаковой для восприятия философского стиля позднего Розанова.

Особое внимание в работе «О понимании» уделено размышлениям над понятиями «причинности» и «целесообразности», их исследованию посвящены главы IX и X и еще многие отдельные страницы книги. Причинность и целесообразность представляют собой способы связи событий и явлений в мире. Причинность описывается Розановым в контексте механического взаимодействия элементов, постоянной особенностью такого взаимодействия является внешнее, наружное положение того, что оказывает воздействие по отношению к тому, что претерпевает воздействие. Между тем, целесообразность яснее всего обнаруживается в деятельности самого человека, основанный на целесообразности тип связи событий являет нам ситуацию, где небытие (цель, идеал – к чему устремлена деятельность) властвует над бытием, при этом цель (идея цели) может заключаться как внутри целесообразного процесса (внутренняя, самостоятельно выбранная цель), так и иметь по отношению к деятельности человека «наружное положение», какое, например, занимает идея политической реформы, задуманной отдельным правителем, по отношению к преобразуемому государству и задействованным в этом преобразовании материалам – людям. Как видно из последнего примера, процессы истории, имеющие целесообразный характер, могут использовать для реализации замысла причинные связи. В книге «О понимании» намечено, что причинные связи возможно наблюдать в сфере неорганического космоса, а связи, основанные на принципе целесообразности, – в пространстве «духа» и разума: «Разум (*intellectus*), в котором возникают идеи, есть всегда и необходимо первоисточник всякой целесообразной деятельности» [9, с. 294]. Таким образом, в книге «О понимании» человек выступает точкой схождения смысла в мир. Государство, право, религия, искусство являют собой воплощенные формы человеческого Духа, посредством которых в мире происходит «борьба между идеальным началом, исходящим из человека, и между естественной связью вещей и явлений, которая лежит в природе» [Там же, с. 502]. В общем виде проблема причинности и целесообразности в мире неоднократно поднималась на протяжении философского и литературного творчества Розанова. Если в книге «О понимании» было представлено формальное рассмотрение понятий причинности и целесообразности и только намечены некоторые особенности роли целесообразности в истории, то последующее философское творчество представляет развернутую разработку темы целесообразности в истории на основании глубокого и разностороннего анализа древних культур.

Однако возможно рассмотреть проблему целесообразности под другим углом, применив ее к литературному творчеству самого Розанова, и здесь мы вплотную подступаем к тому, чтобы уяснить, как гносеологические проблемы, получившие разработку в книге «О понимании», могут помочь нам для анализа стилистических особенностей розановского мышления.

Литературное творчество Розанова характеризуется необычайным многообразием затронутых тем: его статьи часто писались под влиянием какого-нибудь общественного или политического события. Несмотря на эту разнонаправленность его литературной работы, мы можем говорить о системном (целесообразном) движении его мысли. Розанов пишет, что «только всматриваясь в способ соединения звеньев и в их черты, когда они взяты в разливные моменты процесса... изучая соотношение с последним звеном, – внешнее наблюдение может открыть, что процесс исследуемый не есть причинный, но целесообразный». Таким последним звеном, итогом его философской и литературной деятельности является книга «Апокалипсис нашего времени». Сравнивая это последнее произведение Розанова с книгой «О понимании», мы обнаруживаем то же направление мысли в попытке понять, как наше желание порядка, целостности мировоззрения становится идеологической убежденностью, как формируются наши убеждения, и как создается в нашем мышлении наша действительность. Э. Голлербах пишет, что «для Розанова судьба его книги, т.е. идей, составляла его личную судьбу» [Цит. по: 8, с. 143].

Розанов в книге «О понимании» начал свое творчество с критики науки, философии и всего современного мировоззрения за то, что в них все достижения, открытия, схемы отделились от заботы о человеке, что им сам человек стал безразличен, и потому человек, рассматривая прекрасное могущественное здание культуры, возведенной европейской цивилизацией, чувствует себя беспомощно одиноким, поскольку вся эта красота с холодом и безразличием возвышается над ним.

Книга «Апокалипсис нашего времени», написанная 1918 г., проникнута чувством гибели и разложения России и европейской цивилизации в целом. Причину этой гибели Розанов видит в том, что через Христа между миром и человеком навсегда пролегла граница отчужденности и безразличия. Именно христианство, согласно Розанову, виновато в том, что человек ощущает себя заброшенным и одиноким в мире, именно оно виновато в бесчеловечности современной науки, идеологии и политики. И то, что «Коперник на вопрос о солнце и земле начал говорить, что они действуют кубами расстояний – то это совершенно христианский ответ» [Там же, с. 33]. «Таинственным образом, – пишет Розанов, – христианство начало обходиться — устыками... Наука христианская стала сводиться к чепухе, позитивизму и бессмыслице» [Там же]. А человек,

оказавшись очарованным образом и речами Христа, оказался в мире, где ему более нет места. Между тем, для Розанова мир является ничем иным, как набором представлений о нем, образованных в соответствии с определенными человеческими целями и желаниями, – это мир соразмерного человеку, а «понимание – это нахождение меры между мной и тем, что я понимаю». Христианство и выросшая на его основе цивилизация несчастна тем, что в ней нарушена эта соразмерность между миром и человеком. Таким образом, видно, что по отношению к работе «О понимании» критика современной культурной ситуации в «Апокалипсисе нашего времени» предстает наполненной историческим содержанием, в ней указано, что современная наука, утверждающая внешнее и безразличное отношение мира к человеку, есть результат христианства.

Чтобы подвести итоги статьи, необходимо вновь вернуться к понятиям стиля мышления и литературного стиля. Переход от понятия «стиль» к понятию «стиль мышления» был произведен, чтобы показать экстралингвистические факторы, повлиявшие на творчество Розанова. В первую очередь нас интересовали его философские убеждения, «направленность мысли» (именно так можно определить само понятие «стиль мышления»). Так, представления об устройстве мира и процедурах познания, выраженные в труде «О понимании», несомненно, относятся к экстралингвистическим условиям, при этом наиболее влиятельным, поскольку написание работы ушло длительное время, и было затрачено много духовных усилий. Последующее творчество Розанова существенно изменилось по своему жанру (трактат сменился фельетонами), темам (вопросы гносеологии сменились интересом к проблемами пола, религии и т.д.), но по характеру своего интереса и предмету внимания осталось в границах книги «О понимании», а именно: его все также волновала тема кризиса современной культуры и осознания роли человека в процедуре познания, истории; стремление убеждений и мнений стать идеологией, потерять личностный характер.

Как уже было сказано, исследователями стилистики поздних розановских текстов его стилю приписываются следующие характеристики: антиномичность, исповедальность, спонтанность письма. С другой стороны, исповедальность, также как и спонтанность стиля письма Розанова, неизбежно связана с его убеждением, что человек, по сути, подлинно может рассказать только о самом себе, обо всем остальном лишь «выдумывает и путает», – убеждением, которое сформировалось именно в его первой гносеологической работе. Более того, человек, каждый раз рассказывая о мире, на самом деле рассказывает о самом себе, при этом немаловажно и то, как он это делает. В соответствии с концепцией Розанова, для человека его жизнь и есть все бытие, весь мир, так как каждая жизнь уникальна, перед каждым открывается свой собственный, всегда чуть особенный от других мир. Он пишет, что истинное отношение может быть только к самому себе, только там, где «субъект и объект – одно, исчезает неправда» [10, с. 301]. Но при этом будет верно и обратное: автор, пишущий о мире, как он его воспринимает, рассказывает, в том числе, и о самом себе. И раз так, то страшнее любой внешней цензуры внутренняя окаменелость. Борьба позднего Розанова с заидеологизированностью литературы на страницах разных журналов есть также следствие его представлений о кризисе цивилизации, проявляющемся в господстве безличных конструкций в области науки, литературы. Влияние идеологии на современную Розанову литературу обнаруживалось в изменении тональности литературного текста, связанной с тем, что такой текст стремится обрести автономное звучание, в котором не слышна речь автора. Стилистика текста, отправившегося по этому пути, приобретает формалистский характер, особенностью которого является использование безличных конструкций (уместные в научной литературе, в художественной они приобретают совершенно каменное звучание), тогда как с содержательной стороны идеологический текст представляет антигуманистическую позицию. В то время как стиль Розанова есть действительно воплощение его личных, проведенных через разные формы творчества убеждений.

Список литературы

1. **Барабанов Е. В.** В. В. Розанов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/lik/barabanov.html> (дата обращения: 10.04.2013).
2. **Бахтин М. М.** Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
3. **Валери П.** Об искусстве. М.: Искусство, 1976.
4. **Верли М.** Общее литературоведение. М., 1957.
5. **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звезгинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
6. **Жоль К. К.** Проблема понимания как предмет гносеологического и семантического анализов. Киев: Наукова думка, 1982.
7. **Лосев А. Ф.** Материалы для построения современной теории художественного стиля // Контекст-1975: литературно-теоретические исследования. М., 1977.
8. **Розанов В. В.** Апокалипсис нашего времени. М.: Захаров, 2001.
9. **Розанов В. В.** О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006.
10. **Розанов В. В.** Религия и культура. М. – Харьков: АСТ; Фолио, 2001.
11. **Флек Л.** Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М., 1999.
12. **Фомин А. И.** Символика прозы Василия Розанова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010.

GNOSEOLOGICAL GROUNDS OF V. ROZANOV'S THINKING STYLE

Frolov Aleksei Aleksandrovich
St. Petersburg State University
aff-dos@yandex.ru

The article reveals the content of the notion “thinking style”. This term, which appeared in the philosophy of science, is for the first time applied to V. V. Rozanov's creativity, whose works revealed the crisis of science and culture on the whole. In order to determine Rozanov's thinking style and theoretical grounds, the author compares his recent works with the first book “On Understanding”, in which his gnoseological system was expressed. This book is associated with subsequent creative works by Rozanov's internal position in relation to the possibility of cognition and the articulation of the known expressed in it, and also consolidates the conception of personal knowledge.

Key words and phrases: thinking style; literary style; V. V. Rozanov's philosophy; orientation of perception; gnoseology; expediency.

УДК 94:353.2(571.1)

Исторические науки и археология

Рассматривается проблема становления и развития организационно-правовой формы института главы исполнительной власти субъектов Российской Федерации – краев и областей – в 1990-1999 гг. Раскрывается содержание основных этапов формирования правового статуса глав администраций регионов. Выявляются основные факторы, ставшие причиной изменения статусных позиций глав исполнительной власти краев и областей в системе государственной власти и управления в позднесоветский и постсоветский периоды российской истории.

Ключевые слова и фразы: органы государственной власти; государственное управление; исполнительная власть; губернатор; глава администрации.

Ширко Татьяна Ивановна, к.и.н.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
strelk-s@mail.ru*

ОТ ГЛАВ АДМИНИСТРАЦИЙ К ГУБЕРНАТОРАМ: ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА ГЛАВЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КРАЯ, ОБЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990-1999 ГГ. ©

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-70001.

В советский период руководство краями и областями в РСФСР осуществлялось на основе чрезвычайно централизованной системы управления. Все властные функции на местах, несмотря на основополагающий принцип советской государственности – «полновластие Советов», реализовывали исполнительные комитеты – органы государственного управления и комитеты КПСС, являвшиеся местными идеологическими центрами. С началом перестроечных реформ в 1985 г. перед руководством СССР была поставлена задача осуществления общей политической реформы, обновления системы Советов и повышения их роли в системе управления страной путем перераспределения властных полномочий между Советами, исполнительными комитетами и партийными органами, между центром и регионами, модернизации избирательной системы [1, с. 16].

К началу реализации политической реформы в РСФСР в марте-апреле 1990 г. была законодательно понижена роль партийных органов в управлении регионами и ликвидирована действующая через принцип двойного подчинения вертикаль исполнительной власти в стране. Функции государственного управления на местах в полном объеме были переданы Советам народных депутатов. Однако непосредственный опыт деятельности новой системы управления весной-летом 1990 г. показал ее неэффективность в силу специфики организации Советов на непостоянной основе. К осени 1990 г. в связи с подготовкой экономической реформы вновь актуальным стал вопрос о реформировании органов исполнительной власти. В сентябре 1990 г. члены депутатской фракции «Демократическая Россия» в парламенте РСФСР, настаивающие на модернизации России по западноевропейскому типу, предложили сформировать исполнительную власть на всех уровнях управления единообразно, на основе принципа разделения властей [9, с. 5].

Предложенная концепция организации исполнительной власти в январе-феврале 1991 г. обсуждалась в постоянных комитетах Верховного Совета РСФСР. В феврале 1991 г., наряду с подготовкой закона о введении поста Президента РСФСР как высшего должностного лица и главы исполнительной власти, началась разработка законопроектов «О местном самоуправлении» и «Об управлении краем, областью», определяющих новую модель исполнительной власти на местах. В законопроектах было предусмотрено введение вместо коллегиального исполкома должности главы администрации как руководителя органа исполнительной власти – администрации. Но если в законе о местном самоуправлении была предусмотрена концепция всенародно избираемого главы администрации, то положения законопроекта «Об управлении краем, областью» закрепляли процедуру его назначения Президентом РСФСР по согласованию с Советом народных депутатов [11, с. 254].